

СЕКЦИЯ «ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА»**ПОДСЕКЦИЯ «НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА»**

**Эмиграционное движение евреев из России в Палестину в конце XIX в.:
международные и политические аспекты**

Ильина Ольга Александровна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель данной статьи - исследование международных аспектов эмиграционного движения евреев из России в Палестину в конце XIX в. Актуальность темы связана с насущной потребностью рассмотрения роли, которую сыграли представители международного сообщества, в упрочнении позиций евреев-эмигрантов в провинции Османской империи - Палестине. Эмигрантам предстояло решить целый круг проблем. Одним из главных препятствий для поселения евреев в Палестине стала политика османских властей, которые уже в 1882 году ввели запрет на въезд в Палестину для евреев России, Румынии и Болгарии. Дипломатам из стран западной Европы предстояло найти решение данной проблемы с представителями властей Османской империи.

Конец XIX в. ознаменовал начало сложного многоаспектного явления - еврейской эмиграции из Российской империи в Палестину. Именно в этот период возникли условия, при которых духовные стремления евреев в Палестину начали приобретать конкретные формы воплощения. Палестина, входившая в состав Османской империи с 1517 г., всегда была в центре внимания великих держав благодаря святым местам христианства, гегемония над которыми стала ключевым фактором обострения «восточного вопроса». С началом эмиграции евреев данный регион стал привлекать внимание отдельных представителей общественно-политической элиты европейских государств, увидевших в перспективе переселения евреев на Ближний Восток способ решения «еврейского вопроса».

Османская империя к концу XIX в. все больше подвергалась давлению со стороны ведущих европейских государств. Западные державы добивались от слабеющей Порты расширения «капитуляций», а также проводили активную деятельность по приобретению земельной собственности в Палестине и других арабских владениях¹. Султан Абдул-Хамид II пытался сохранить власть путем увеличения полицейско-бюрократического аппарата. Однако османские власти были вынуждены ввести охранительные меры, чтобы не давать повода для укрепления позиций стран Западной Европы в империи, в частности, меры, касающиеся еврейской эмиграции в Палестину².

Данная работа посвящена анализу эволюции мероприятий, предпринятых османскими властями, начиная с 1882 г., направленных на решение вопроса об эмиграции евреев из Российской империи. Кроме того, достаточно актуальной является проблема вмешательства ведущих западноевропейских держав в политику, проводимую властями Османской империи по отношению к евреям-эмигрантам.

Многие европейцы понимали серьезность мер, принятых Высокой Портой, и старались предпринять соответствующие шаги для реализации планов по переселению евреев в Палестину. Характерными для того периода были слова лорда Линдсея: «Велики возможности сельского хозяйства в Палестине, и если вернуться в нее

---

¹ Подробнее см. Reinkowski M. Late Ottoman Rule over Palestine: Its Evaluation in Arab, Turkish and Israeli Histories, 1970-90// Middle Eastern Studies. – 1999. – Vol. 35. – P. 66-99.

² Подробнее см.: Kent M. The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. Frank Cass, 1996.

изгнанные ее сыны, и если будет приложена та прилежность, которая необходима для возрождения этой земли, она вновь расцветет, как это было во времена царя Соломона»¹.

Стоит отдать должное деятельности европейских дипломатов, которые пытались воздействовать на султана. В частности, указ, запрещающий пребывание евреев Российской империи, Румынии и Болгарии в Палестине, был отменен, и евреям, начиная с 1884 г., был разрешен въезд в Палестину для посещения святых мест сроком не более 31 дня².

В 1902 г. в результате действий английских и французских дипломатов были опубликованы новые правила. Они оставались неизменными до Первой мировой войны. Статус всех евреев, приехавших в Палестину окрестными путями, теперь был легализован, и они получили права, равные правам иностранных граждан. В то же время, было провозглашено, что с этого времени евреи – как иностранные граждане, так и подданные Османской империи – получают разрешение посетить Палестину, однако только на период сроком 3 месяца, и должны будут сдать на хранение властям свои паспорта при въезде в страну.

Указы властей Османской империи, направленные на запрещение или ограничение еврейской эмиграции, привели к созданию значительных затруднений для эмиграционного движения евреев. Высокая Порта рассматривала евреев с одной стороны, как опасность для своих владений, с другой стороны, как некий буфер между европейскими государствами. Именно поэтому отношение османских властей менялось в зависимости от поведения европейских держав, так как империя была во все возрастающей экономической и политической зависимости от значительно более развитых европейских держав.

***

Результаты исследования свидетельствуют о том, что парадигмы интеграции и аккультурации эмигрантов в Палестине отличались от аналогичных концепций в отношении переселенцев в других странах в свете международной политики.

Многие западноевропейские общественные деятели и политики пытались сотрудничать с турецким правительством, пытаясь найти компромисс в решении «еврейского вопроса». Соотношение сил между некогда могущественной Османской державой и крупными европейскими государствами столь явно изменилось в пользу последних, что Порта все чаще и чаще вынуждена была идти им на уступки экономического и политического характера.

В итоге, на фоне глубокого кризиса османские власти не могли серьезно воспрепятствовать волне еврейской иммиграции из России, начавшейся в 80-х гг. XIX в. В целом, категоричное запрещение османских властей на въезд евреев носило временный характер, через определенный промежуток времени османские власти снова разрешали евреям приезжать в Палестину.

Литература

1. Braude B. Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. Bernard Lewis; Homes & Meier Publishers. 1982.
2. Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862-1917. Cambridge, 1982.
3. Kent M. The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. Frank Cass, 1996.
4. Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. University of California Press, 2004.

¹Crawford A. W. C. Lord Lindsay, Letters on Egypt, Edom and the Holy Land. London, 1847. – Vol. II. P. 71.

² АВПРИ. Ф. Греческий стол. Оп. 497. Д. 5992. Л. 17.

5. Palestine in the Late Ottoman Period: Political, Social and Economic Transformation. Ed. by Kushner D. Leiden, 1986.
6. Carmel A. The Yishuv, The Ottoman Government and the Foreign Consulates// Sefer ha-aliya ha-rishona. Jerusalem, 1981.

Российско-китайские отношения в области науки и образования в 90-е гг. XX в.

Касимова Альфия Рафисовна

соискатель

Казанский государственный университет

Составным элементом в развитии современных российско-китайских отношений является сотрудничество в области науки и образования.

В 90-е годы XX века культурные и научные отношения между Россией и Китаем не представляли собой единого, упорядоченного, юридически оформленного целого. В них отчетливо обнаруживается несколько уровней, политически обеспеченных серией межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений, но в действительности слабо влиявших друг на друга. С политической точки зрения, в области науки и образования существовало два «этажа» российско-китайских отношений: межгосударственный (на уровне глав государства, законодательных и исполнительных органов власти) и децентрализованный (на уровне административных образований, предприятий, организаций, объединений, граждан).

Кроме того, научное и образовательное сотрудничество на уровне администраций имело регионально-бюрократический характер. Формально обмен осуществлялся достаточно активно. Внешним его результатом были сотни взаимных визитов, деловых встреч, обсуждений, соглашений и договоров. Однако большинство из подписанных документов не было реализовано.

Контакты в области науки и образования совершались на основе двусторонних и многосторонних соглашений между заинтересованными организациями. Данный процесс не регулировался и не контролировался, поэтому сведения об его существовании и результатах достаточно обобщены и отрывочны.

Наиболее интенсивно развивалось сотрудничество в сфере изучения китайского и русского языков. После заключения российско-китайского соглашения о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях (26 июня 1995 г.) стало расти число россиян получивших дипломы китайских вузов и китайцев с российскими дипломами.

База для изучения России и Китая создавалась в сфере среднего образования обеих стран. Заметно выросло число государственных и частных школ с преподаванием китайского языка как иностранного или второго иностранного языка.

Появились совместные программы на основе взаимного признания соответствия учебных планов.

В образовательном обмене вузов с КНР в 90-е годы очевидны две закономерности: во-первых, сотрудничество развивалось преимущественно с университетами и институтами Северо-Восточного Китая, по своему академическому потенциалу уступавшими российским партнерам. Во-вторых, китайское направление для большинства из них не было приоритетным.

Российские научные учреждения, сотрудничая с китайскими коллегами в сфере совместных научных исследований и разработок, также ориентировались на академии наук и другие исследовательские центры северо-восточных провинций Китая. Основой подписания соглашений между научными организациями двух стран стала взаимная заинтересованность сторон: российской — в промышленной реализации своих научных

разработок и продвижении их на китайский рынок, китайской — доступ к российским научным достижениям, использование интеллектуального потенциала российских ученых.

Литература

1. Базаров Б.В., Ганжуров Д.В. Российско-китайские отношения и роль регионов Восточной Сибири в их развитии (1989 – 1999). Иркутск, 2002.
2. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях в 80-ые годы XX – начало XXI века. М., 2005.
3. Рахманин О.Б. К истории отношений России – СССР с Китаем в XX веке. М., 2002.

Эволюция позиций РФ и США по отношению к палестинской проблеме (1991-2008 гг.)

Нагимзянов Роберт Айварович

магистрант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В новейшее время Ближний Восток является важнейшей составляющей мировой политики. В связи с важностью ближневосточного региона для мировой политики, палестино-израильское урегулирование становится объектом интереса многих стран.

В начале 90-х гг. на Ближнем Востоке наметился мирный процесс. Это в первую очередь связано с распадом Советского Союза, так как ближневосточный кризис вышел из системы противостояния СССР-США. Во-вторых, именно в это время сформировался так называемый институт коспонсорства. США и Россия начали регулярно проводить совместные консультации по Ближнему Востоку. В-третьих, внутри Организации Освобождения Палестины (ООП) появилось понимание необходимости признания резолюций ООН 242 и 338, которые рассматриваются мировым сообществом как основа для мирного урегулирования. К тому же, первая интифада, начавшаяся в 1987 г., заставила по-новому взглянуть на палестинский вопрос.

После распада СССР в 1991 г. внешняя политика нашей страны изменилась. Наметился курс на сближение с Соединенными Штатами, а отношения с Арабским Востоком постепенно ухудшались. Такое положение сохранялось вплоть до назначения в 1996 г. министром иностранных дел Российской Федерации Е.М.Примакова и избрания Президентом России В.В.Путина.

Во время полномочий президента СССР М.С.Горбачева происходит переосмысление приоритетов в отношениях с государствами Ближнего Востока. Если в 1967 г. СССР разорвал дипломатические отношения с государством Израиль, то в конце 1991-ого эти отношения были восстановлены.

В 90-е гг. XX века Соединенные Штаты вошли при руководстве Дж.Буш-старшего. Он высказал свои предложения по решению палестинского вопроса, состоящие из четырех пунктов, ставшими осевыми в палестино-израильском урегулировании и на мадридской конференции 1991 г. Это – принцип земля в обмен на мир, выполнение резолюций 242 и 338, безопасность Израиля и законные права палестинцев.

Нельзя не отметить, что Дж.Буш-старший многое сделал для того, чтобы сблизить израильские и палестинские позиции. США заставили Израиль отказаться от своей жесткой, нереалистичной позиции в отношении ООП.

При следующем президенте США Б.Клинтоне большую роль в определении внешней политики играла М.Олбрайт. По ее словам, подход к палестино-израильскому конфликту у американского руководства был гибким, за одним исключением: «Израиль – это ближайший союзник Америки». Госсекретарь США М.Олбрайт так представляла себе основу взаимопонимания между палестинцами и евреями: «Палестинцам – земля,

Израилю – безопасность». Этой позиции американцы придерживались во всех инициативах по урегулированию с 1993 по 2000 гг.

Нельзя обойти стороной влияние израильского лобби на внешнюю политику США. Лобби может «подправлять» американскую политику в отношении Израиля. Кроме того, лобби также имеет немалое влияние внутри государства. Если какой-нибудь политик или ученый раскритикует действия Израиля или что произраильские группы имеют значительное воздействие на ближневосточную политику, его сразу называют антисемитом. Влияние израильского лобби столь значительно, что в самих Соединенных Штатах об этом желают промолчать.

События 11 сентября сильно взбудоражили Соединенные Штаты. Они были использованы Дж.Бушем-младшим как инструмент внутренней политики и еще больше – внешней. Позиция президента США по решению арабо-израильского конфликта окончательно определилась к середине 2002 г., когда он выступил с планом урегулирования, названный «Дорожная карта». План не был чем-то радикально новым, он опирался на резолюции Совета Безопасности ООН 242 и 338 и некоторые принципы соглашений Осло.

Смерть председателя ООП Я.Арафата в 2004 г. американским президентом была воспринята с оптимизмом в отношении будущего палестино-израильского диалога. Дж.Буш считал Я.Арафата человеком необязательным и изменяющим прежним договоренностям. Поэтому на нового лидера ПНА американское руководство возлагало большие надежды.

Победа партии ХАМАС на выборах в палестинский парламент в 2006 г. для Соединенных Штатов стала неожиданностью. Реакция Вашингтона на победу «террористической организации» был очень резок. Администрация Дж.Буша не признала результаты выборов.

В начале 2008 г. администрация Дж.Буша активизировалась в решении арабо-израильского конфликта. С января последовала серия поездок высших государственных чинов по Ближнему Востоку: госсекретаря К.Райс, президента Дж.Буша, вице-президента Д.Чейни. Одним из ключевых проблем в этих поездках был палестинский вопрос. Американцы начали урегулирование арабо-израильского конфликта с палестинского «трека» – это показывает важность именно палестино-израильского урегулирования для американцев.

На основе анализа политики России и США в палестинском вопросе в 1991-2008 гг. можно прийти к следующим выводам:

1. Внешнеполитическая линия последнего президента СССР М.Горбачева способствовала повороту в российской политике в отношении арабских государств. Были восстановлены дипломатические отношения с Израилем, что не могло не сказаться на отношениях с арабскими государствами. Россия стала государством, имеющим уравновешенные отношения, как с арабскими странами, так и с Израилем.

2. Россия принимает за основу урегулирования резолюции ООН № 242, 338, 1397 и 1515, а также мадридские принципы и план «Дорожная карта», разработанный международным «квartetом» ближневосточного урегулирования. Данное обстоятельство утверждает тот факт, что наша страна придерживается линии на урегулирование палестинской проблемы коллективными усилиями.

3. США сохраняют ориентацию на Израиль. Эта ориентация сохраняется потому, что внутри Соединенных Штатов существует сионистские лоббистские организации, мощь которых позволяет «подправлять» политику Белого дома в отношении Израиля.

4. Позиции России на Ближнем Востоке с каждым днем упрочиваются, что не может не сказаться на увеличении веса нашей страны на мировой арене. В палестинском вопросе наша страна занимает более реалистичную и взвешенную позицию, нежели американцы. Это подтверждается тем фактом, что Россия поддерживает контакты с

движением ХАМАС, являющимся одним из важных сторон, вовлеченных в палестино-израильский конфликт.

5. Увеличивается взаимодействие ведущих стран мира для решения арабо-израильского конфликта. После конференции 2000 г. оформляется «четверка коспонсоров» ближневосточного урегулирования в лице Российской Федерации, США, Европейского Союза и ООН.

6. Процесс урегулирования на Ближнем Востоке сопровождался ростом насилия с палестинской и израильской сторон, что отрицательно сказывается на мирном процессе.

Созидательная роль европейского колониализма (на примере Индии)

Палишева Наталья Витальевна

аспирантка

Новосибирский государственный педагогический университет

Европейский колониализм не раз подвергался жесткой критике со стороны историков и политологов. Не раз говорилось, что он был лишь способом «выкачивания» материальных благ из одного государства другим, вследствие чего, это явление благотворно влияло на внутреннее развитие метрополий и служило причиной деградации колоний. Нисколько не оспаривая выводы сторонников подобной концепции в части критики механизмов перераспределения ресурсов, с их оценками сложно согласиться в полной мере, учитывая разнообразие исторического развития различных моделей колониальных систем. Анализ феномена британского колониализма, наиболее ярко проявившегося на примере колониального присутствия в Индии, позволяет пересмотреть многие выводы о пагубности данного явления.

В рамках настоящего исследования был проведен анализ комплекса источников, относящегося к индийской общественно-политической мысли периода британского раджа.

Хотя методы и формы управления колониальными территориями британцев были абсолютно антидемократичными, в результате распространения европейской системы образования в индийском социуме возникла принципиально новая категория – вестернизированная элита, изначально служившая опорой колониального режима. Нужно сказать, что во взаимоотношениях англичан и индийцев не было того антагонизма, который нередко приписывался им в историографии. Более того, индусы достаточно долго не воспринимали англичан как завоевателей и поработителей. Между тем, идейную основу европейского колониализма составляло именно пренебрежительное отношение к туземцам: для обоснования своих прав на управление колониальными территориями они выдвигали тезис о «варварстве» и недоразвитости этих народов. И в качестве основной своей миссии видели их приобщение к цивилизованному миру (Гордон, 1996, с.23). В какой-то мере эта теория некоторое время поддерживалась самими индусами. Известный индийский мыслитель XIX столетия Раммохан Рой, считал, что установление господства англичан было прогрессивным явлением для Индии (Roy, 1970).

Английское колониальное присутствие послужило катализатором процессов политизации и секуляризации общественно-политической мысли Индии. Традиционно сферы государственного устройства и политической жизни никогда не становились предметом философской интеллектуальной мысли, в полной мере сосредоточенной на проблеме индивидуального спасения человеческой души и её взаимоотношения с богами. В девятнадцатом столетии происходит рефлексия проблем собственного общества отдельными его представителями. Раммохан Рой подверг жесткой критике существующую на тот момент систему правоприменения и многие правовые реалии

современного ему общества. В частности, пересмотру подлежали брачно-семейные, наследственные отношения индусов и судебная система. Рой был защитником гражданских прав людей, в частности права на собственность, также очень много внимания в своём дискурсе он уделял правам женщин и вопросам гендерного равенства, что проявилось в его борьбе с обычаем сати и отстаиванием права на наследование имущества женщинами. Религиозный и общественно-политический деятель Вивекананда предложил собственную концепцию «миссионерства» различных народов и религий, в которой отводил своей родине роль духовного проводника» человечества, указывая на то, что религия является системообразующим элементом индийской цивилизации, позволяющим ей оставаться жизнеспособной перед лицом любых внешних завоеваний (Vivekananda, 1947). Подобные воззрения позволили не только преодолеть представления об ущербности собственной религии и истории, но и осознать собственную культурно-историческую специфику и вместе с тем поставить себя в ряд с другими, в том числе европейскими странами. В этот период происходит восприятие элементов западной политической жизни как безусловных ценностей и эталона для собственного политического развития.

Развитие общественно-политического сознания элиты привело в итоге к формированию двух идейных направлений – индийского либерализма и индийского национализма, которые явились реакцией «снизу» на насаждавшиеся англичанами авторитарные методы управления. Дальнейшая эволюция этих двух направлений привела к формированию оппозиции европейского образца, имевшей в своей основе четкую идейно-теоретическую базу и впоследствии выработавшей собственную программу развития Индии. В итоге в Индии происходит формирование первого института демократического государства – организационно оформленной политической партии – Индийского Национального Конгресса. Этот факт свидетельствовал, с одной стороны, о готовности индийского общества к устройству собственного государства по демократическому образцу и об избрании парламентских методов борьбы за свои идеи, с другой (Anial, 1968). В итоге к концу периода британского радж индийская общественная элита представляла собой весьма развитый и самодостаточный в политическом отношении организм, сумевший самостоятельно воплотить в жизнь европейские политические ценности. Среди факторов, оказавших влияние на развитие правовой и политической культуры, следует указать не только распространение европейской системы образования, но и создание колонизаторами промышленной инфраструктуры, кодификацию и модернизацию уголовного и гражданского законодательства. Распространение английского языка стало наиболее оптимальным решением лингвистической проблемы Индии, отразившись в итоге в утверждении его в качестве одного из двух государственных языков. Сам факт создания британскими колонизаторами единого государственного аппарата был централизующим фактором, в результате которого народы Индии оказались впервые за всю историю подчиненными единой власти, началась их общая история и была заложена основа для формирования социально-политического единства и формирования общности, которую можно назвать народом (Празаускас, 1990, с.5).

Однако не следует отдавать приоритет исключительно европейскому влиянию на формирование предпосылок для установления демократии в Индии. Традиционная индийская философско-религиозная мысль в силу своей глубокой аполитичности не стала идейной преградой на пути развития новых направлений, поскольку в ней никогда не было постулата о неправильности иного образа мыслей. Направленная всецело лишь на проблему личного спасения человеческой души, она не препятствовала развитию в собственных рамках отдельных личностей. В итоге большинство общественных и политических деятелей XIX-XX в. унаследовали очень много от философской традиции Индии. В индийской общине всегда существовал выборный орган – панчayat и сама

община была самоуправляющейся единицей, поэтому идея участия в управлении не была чуждой для большинства представителей индийского общества.

В период английского господства в Индии формируется не только общественно-политическая мысли западного образца, но и происходит раскол в общественном сознании. Его причиной было то, что подавляющее число населения не сумело отказаться от традиционных форм мышления и не сумело воспринять ценности и идеи индийской элиты. Данное противоречие остаётся неразрешенным и до настоящего времени, так как в Индии до сих пор наличие формальной демократической формы правления сочетается с большим числом социальных, религиозных и правовых пережитков.

Литература

1. Гордон А.В. (1996) Новое время как тип цивилизации. М.: ИНИОН РАН.
2. Прузаускас А.А. (1990) Этнос, политика и государство в современной Индии. М.: Наука.
3. Anil S. (1968) The emergence of Indian nationalism. Cambridge.: University press.
4. The complete works of Swami Vivekananda (1947). New Delhi.:Advaita ashrama.
5. The English works of Raja Rammohun Roy (1970). New Delhi.:Cosmo publications.

Дарфурский конфликт в Судане

Сагитов Ринат Талгатович

магистрант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Рассматриваемый нами регион Дарфур является одной из провинции Судана, который расположился на крайнем северо-западной части Республики Судан.

В 1504 г. в центральном Судане возник Сеннарский султанат, владения которого простирались на большую часть территории современного Судана. По своему устройству султанат представлял собой объединение княжеств под эгидой и властью султана Сеннара. Одним из этих княжеств как раз и был Дарфур.

В XVI – XVIII века Дарфур достигает пика своего политического и экономического могущества. Однако с течением времени княжество утратило свое могущество и в 1898 г. его последний султан Али Динар был вынужден признать власть генерал-губернатора Судана Герберта Китченера. Правда, при этом Али Динар стал вынашивать план выступления против англичан, господствовавших в Судане, с целью вернуть независимость Дарфуру. Для этого он активно поддерживал контакты с сенуситами Ливии, от которых получал оружие. В ноябре 1915 г. Али Динар поднял дарфурцев на национально-освободительную борьбу. Но силы были неравны: против отрядов племенного ополчения, имевших слабое и устаревшее вооружение, были брошены регулярные англо-египетские воинские части, располагавшие самым современным оружием, включая авиацию. Потерпев поражение в открытом бою, отряды Али Динара перешли к партизанской войне, укрываясь от ударов англичан в горах. Эта война закончилась с гибелью в ноябре 1916 г. Али Динара. С этого момента бывшее княжество окончательно превращается в одну из провинций англо-египетского кондоминиума в Судане.

Несмотря на то, что Судан был объявлен кондоминиумом, и находилась под совместным англо-египетским протекторатом, страна была британской колонией; метрополия определяла политику страны и присылала большинство чиновников для наблюдения за процессами ее развития. В своей политике англичане опирались на местную реакционную верхушку.

Провинцию Дарфур населяют представители различных народностей, которые условно можно разбить на две группы - чернокожие африканцы и арабские племена. Население Дарфура состоит из земледельцев и скотоводов, от 50 до 60 процентов причисляют себя к различным арабским племенам. Другая половина, или чуть меньше, – неарабские племена, которые, с некоторыми оговорками, можно считать исконным населением региона. Арабы – по большей части скотоводы, неарабы – земледельцы. Между этими двумя конфессиями и возникла вражда. Возникновению конфликта в регион Дарфур послужило несколько причин.

Одна из предпосылок конфликта является ухудшение положения кочевников-скотоводов. Наступление Сахары сопровождается ростом населения, а населению нужно пропитание. В результате возник традиционный конфликт земледельцев и скотоводов из-за плодородных земель, которые одни хотят возделывать, а другие – использовать в качестве пастбищ. За последние десятилетия поголовье скота резко увеличилось, происходит необратимый процесс истощения пастбищ. Первые столкновения на этой почве, причем кровавые, произошли еще в 1970-х годах.

Свою роль в возникновении конфликта играет и демографический фактор, а именно быстрый рост населения региона при гораздо более медленном росте экономики.

Конфликт в Дарфуре имеет и свои политические корни. Представители крупнейшей народности Дарфура, а также других местных народностей рассчитывали на получение видных постов в местной администрации, беспрепятственное развитие своего бизнеса, больших прав в решении региональных проблем. Однако эти расчеты не оправдались. В политике, местной администрации и бизнесе господствовали арабы-суданцы. Более того, подобное положение вело к ухудшению отношений и усилению враждебности между арабами и негроидными народностями. В конце 1960-х годов впервые открыто появляются и постепенно усиливаются протестные настроения среди неарабского населения.

Таким образом, нынешний конфликт в Дарфуре является следствием нерешенности целого ряда крупных проблем и противоречий экономического, этнического, социального и политического характера.

Формально историю дарфурского конфликта отсчитывают с февраля 2003 года, когда в этой провинции поднялось восстание этих самых неарабских народов, борющихся, по их словам, против узурпации их прав правительством, представляющим интересы арабского населения Судана. В первой половине 2003 года на западе Судана, в регионе Дарфур, повстанческие группировки начали вооруженную борьбу против правительства. Поводом к современному конфликту стало соглашение между Хартумом и повстанцами Юга о разделе доходов от добычи нефти, что зафиксировало ситуацию социально-экономического и политического отчуждения Дарфура и его народа. Интересы региона площадью примерно 250 000 кв. километров и численностью населения в 6 миллионов человек не были учтены.

Столкнувшись с военной угрозой со стороны двух повстанческих движений «Освободительного движения Судана» и «Армия и Движения за справедливость и равенство», а также с серьезной нехваткой вооруженных сил в Дарфуре, правительство обратилось к местным племенам за помощью в борьбе с повстанцами. Большинство арабских кочевых племен, у которых не было традиционных общинных земель и которые хотели стать оседлыми племенами, особенно в условиях надвигающегося опустынивания, откликнулось на этот призыв. Эти новые «рекруты» и стали формированием, которое впоследствии мирные жители и другие люди стали называть «Джанджавид».

Убедившись в том, что быстрого разгрома повстанцев достичь не удастся, правительство заявило о намерении подписать с СОД соглашение о прекращении огня. 6 сентября 2003 года стороны при посредничестве Чада подписали первое такое

соглашение. Власти и повстанцы договорились также начать полномасштабные переговоры по урегулированию конфликта. Однако вскоре руководство СОД обвинило правительство в срыве соглашения.

С августа 2004 года с целью урегулирования конфликта руководство Судана вновь провело ряд переговоров с представителями мятежных племен. Переговоры велись в столице Нигерии Абудже при посредничестве Африканского союза. К этому диалогу приложили усилия Лига арабских государств, Эритрея, Ливия, Уганда, Чад и Мали. ЛАГ заявила о поддержке усилий Судана по урегулированию ситуации в Дарфуре.

К этому времени конфликт уже привлек к себе внимание широкой мировой общественности. Летом 2004 года Хартум разрешил присутствие в Дарфуре наблюдателей от Африканского союза. По данным на февраль 2005 года, их количество равнялось 1,4 тыс. человек, к началу марта того же года общее число африканских миротворцев в Судане достигло 3,3 тысяч военнослужащих из Нигерии, Руанды, Гамбии, Кении, Сенегала и ЮАР..

Всеобъемлющее мирное соглашение от 9 января 2005 года, охватывающее южные, восточные и переходные районы Судана, осуществляется при поддержке Миссии Организации Объединенных Наций в Судане (МООНВС).

После этой миссии было подписано мирное соглашение по Дарфуру от 5 мая 2006 года, заключенное для урегулирования конфликта в Дарфуре, которое осуществлялось при поддержке Миссии Африканского союза в Судане (МАСС). Где в Абудже состоялось подписание Дарфурского мирного соглашения между правительством национального единства Судана и Освободительного движения Судана/ Армия и Движения за справедливость и равенство. Согласно Всеобъемлющему мирному соглашению от 5 мая 2006 года «прочие вооруженные группы» к 9 января 2006 года должны были примкнуть к Вооруженным силам Судана или Народно-освободительной армии Судана. Большинство из них так и сделали, однако этот процесс все еще завершен не полностью. Игнорирование соглашения некоторыми из них приводит к сохранению нестабильности в находящихся под их контролем районах.

Продолжая попытки мирного урегулирования в провинции Дарфур, 6 августа 2007 года, а Аруше, Танзания, под эгидой ООН и Африканского союза успешно завершилась встреча лидеров повстанческих группировок, не подписавших в мае 2006 года соглашение о мире в Дарфуре. Им удалось согласовать общую стратегию по вопросам разделения власти, использования природных ресурсов и обеспечения безопасности в провинции. Эта стратегия должна стать основой переговоров с суданскими властями. Специальный посланник ООН по Дарфуру Ян Элиассон заявил, что такие переговоры можно будет начать уже через два-три месяца.

Из-за сложившейся ситуации в провинции Дарфур, четыре миллиона 270 тысяч гражданских лиц продолжают страдать в результате конфликта. Два миллиона 450 тысяч из них являются внутренне перемещенными лицами. Только в этом году в результате нападений вооруженных сил Судана и повстанческих групп вынужденными переселенцами стали более 100 тысяч мирных жителей провинции. Это означает, что беженцами становятся тысяча дарфурцев в день.

В настоящее время война в Дарфуре уже сменила свои цели и идет не столько за плодородные земли и источники питьевой воды, как было в начале конфликта, сколько за право той или иной политической группировки оказывать безраздельное влияние на жизнь Судана в целом и на передел его природных богатств, в частности, не случайно одним из требований СОД и ДСР является передача им 13% от всех нефтяных доходов страны. По мнению ряда наблюдателей, этот конфликт имеет своей целью окончательно развалить Судан, превратить его в полуколонию ведущих держав мира.

Переговоры между представителями правительства и повстанческих группировок из-за неуступчивости их участников постоянно прерываются, а достигнутые соглашения систематически нарушаются обеими сторонами.

Помимо этого, процесс стабилизации обстановки в Дарфуре осложняется серьезнейшими разногласиями между СОД/СОА и ДРС по целому спектру ключевых для региона проблем: организация власти, контроль за водой, нефтью, плодородными землями и т.д.

В связи с продолжающимся нестабильной обстановкой на западе Судана.

Несмотря на идущий процесс мирного урегулирования, в регионе Дарфура до сих пор происходят широкомасштабные военные столкновения. Продолжает оставаться чрезвычайно острым вопрос о безопасности гражданского населения, в особенности наименее защищенной его части – внутренне перемещенных лиц.

Большую роль играет наличие в рассматриваемом регионе стратегически важное полезное ископаемое – нефть. Этот фактор вызывает интерес не только у Судана, но и у крупнейших держав мира, в первую очередь у США, которые рассчитывают получить доступ к этому полезному ископаемому посредством вмешательств во внутренние дела Судана, а это можно достичь только при условии сохранения нестабильности в стране, то есть дарфурского конфликта.

Конечно, нельзя сказать, что Запад не предпринимает никаких шагов по урегулированию конфликта. Многочисленные гуманитарные организации пытаются хоть как-то повлиять на ситуацию, создавая фонды и посылая африканцам гуманитарную помощь. Но неправительственные организации - это одно, а политика - совершенно другое. Поскольку торговля оружием является едва ли не самым выгодным видом бизнеса, она не обошла стороной и Судана, в результате чего продолжают столкновения с применением оружия. В Судан вместе с гуманитарным грузом поставляется и оружие.

**Американо-японский союз безопасности на распутье (1989-1994 гг.):
позиция японской стороны**

Семенист Иван Васильевич

аспирант

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Кардинальное изменение геополитической ситуации, произошедшее с окончанием «холодной войны» в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом, поставило на повестку дня вопрос о целесообразности продолжения существования Американо-японского союза безопасности, который с 1950-х гг. был краеугольным камнем американо-японских отношений.

К тому же, к концу 1980-х гг. во взаимоотношениях между двумя странами накопилось немало проблем, среди которых наиболее острым был вопрос экономического сотрудничества и наличие торгового дисбаланса. Согласно социологическому опросу, проведенному в 1989 г., стало понятно, что в США начало утверждаться мнение, что японская экономическая конкурентоспособность – большая угроза стране, чем советская военная мощь. Кроме этого, без внимания официального Токио не остался тот факт, что «оценка США большого финансового вклада, сделанного Японией во время кризиса в Персидском заливе, была не большой». А среди японского общества нарастало недовольство против американской позиции на экономических переговорах относительно Японии, в обществе распространялось мнение, что Япония должна четко сформулировать более независимые инициативы в отношении США [1].

В Дипломатической Синей книге - официальном издании МИД Японии за 1991 г. указывалось, что «причина таких трендов в публичном мнении в Японии и США еще полностью не выяснена. «Фактом является то, что нынешние американо-японские отношения – результат большой взаимозависимости между двумя странами, имеют много проблем, которые придется решать общими усилиями». В издании указывалось, что «остаются такие проблемы как недоверие к Японии, которое распространяется среди американского общества в последние годы. А также утверждение, которое распространяется в японском обществе, о том, что «Япония должна быть более настойчивой в отношении к США», – все это является более укорененными проблемами, связанными с изменениями в соотношении сил между двумя странами» [2].

В том же издании Дипломатической Синей книги за 1991 г. было отмечено, что с «исчезновением противостояния по линии Восток-Запад, не следует отбрасывать то обстоятельство, что союз, который является необходимым условием и доминантой американо-японских отношений, становится менее убедительным и мотивированным среди японского общества.

Но главным вызовом для японской внешней политики, который породил национальные дебаты и провоцировал изменения в ней, стала война в Персидском заливе. Несмотря на большую финансовую помощь антииракской коалиции, Япония не получило не только одобрения со стороны союзников, но и благодарности самого Кувейта. Во время кризиса ограниченное присутствие Японии в международных кооперативных действиях стало предметом международной критики, а в западной периодике встречались откровенно язвительные выражения в японский адрес («политический карлик с большим кошельком», «экономическое животное», «слишком мало – слишком поздно» и т.д.). Правительству Японии оставалось только оправдываться, заявляя, что «Японии пришлось встретиться со многими проблемами впервые» [3].

Я. Накасонэ в своей книге «Государственная стратегия Японии в XXI в.» отмечает, что «Япония должна отказаться от достижения только утилитарных та эгоцентрических целей; начался период, когда самовыражения необходимо искать в осознании части ответственности страны в глобальном масштабе». По мнению, Я. Накасонэ «Япония должна четко уяснить, что она живет в мире, в котором без глубокого осознания собственной ответственности за его судьбу, ей не стоит рассчитывать не на обеспечение безопасности, не на выживание» [4].

3. Бжезинский по этому поводу отметил, что «для Японии Америка служила «зонтом», под которым страна сумела спокойно оправиться после сокрушительного поражения, набрать темпы экономического развития, и на этой основе постепенно занять позиции одной из ведущих стран мира. Однако сам факт существования этого прикрытия ограничивает свободу действий Японии, создавая парадоксальную ситуацию, когда государство мирового уровня одновременно находится под чьим-то протекторатом» [5].

С подобными оценками соглашается и Я. Накасонэ: «После завершения периода оккупации в сознании народа утвердилось мнение, что Япония не будет иметь ядерного оружия, а учитывая то, что страны-соседи имеют его, подписание Американо-японского договора безопасности, а также использование «ядерного зонта» США является достаточно естественным. Сразу же после поражения в войне, возможности Японии в военной сфере были ограничены: врачи-победители «прописали» ей запрет на ядерное оружие и предложили удовлетвориться легким вооружением [...]. Но человек не должен привыкать к постоянному употреблению медикаментов, которые к тому же со временем становятся вредными для здоровья (в данном случае идет речь про эрозию чувства стремления к независимости). Но эпоха «холодной войны» заставляла все чаще пользоваться медикаментами [6].

Про целесообразность договора безопасности в данный период размышляли и в США. Так, по мнению того же З. Бжезинского, в постсоветский период Американо-японский союз безопасности является анахронизмом: «Япония не должна быть «непотопляемым американским авианосцем» на Дальнем Востоке, она также не должна быть главным военным партнером США в Азии...» [7]. Поскольку, по его мнению, это может отрезать США от стратегического консенсуса с Китаем.

Однако дальнейший ход событий продиктовал на пользу сохранения Американо-японского союза безопасности в 1990-е гг., его трансформацию в постбиполярную эпоху. Начиная с 1994 г. экономические проблемы между США и Японией отходят на задний план, а между правительствами обеих стран начинается консультации на разных уровнях. Итогом которых стало подписание в апреле 1996 г. президентом США Б. Клинтон и премьер-министром Японии Р. Хасимото нового союзного договора в области безопасности, а также подписание в сентябре 1997 г. новых «Руководящих принципов двустороннего сотрудничества в области обороны».

Литература

1. *Diplomatic Bluebook 1991 Year edition* / Ministry of foreign affairs, Japan // www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/1991-contents.htm
2. там же.
3. там же.
4. Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке. – М. : NOTA BENE, 2006, С. 35.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. – М. : Международные отношения, 1998, с. 238.
6. Накасонэ Я. – Указ. работа, С. 82.
7. Бжезинский З. – Указ. работа. – С. 246.

Эволюция политических взглядов вьетнамской элиты в первой половине XX в.

Соколова Виктория Николаевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предметом данного исследования является процесс эволюции политических взглядов представителей разных слоев вьетнамской элиты колониального периода первой половины XX в. В работе анализируются взгляды вьетнамских лидеров различных групп элиты на современное им мироустройство, принципы построения общества, роль вьетнамского народа во всемирно историческом процессе, а также проблемы культурной и национальной идентичности. Методологическую основу исследования составляют количественный и компаративный анализ. Количественный анализ источников позволил рассмотреть численный состав, происхождение, уровень образования, профессии, степень «натурализации» вьетнамских элитных слоев колониального периода. В свою очередь, компаративистский подход к рассмотрению нарративных источников позволил выявить изменения эволюционного характера в идейных концепциях разных групп вьетнамской элиты.

Современная социально-философская мысль определяет элиту как «часть общества, состоящую из наиболее авторитетных, уважаемых людей, которые занимают ведущие позиции в выработке норм и ценностей, определяющих функционирование и развитие социальной системы». Элита является той социальной группой, на «образцовые» ценности которой ориентируется остальная часть общества. Типологически элита делится на три основные группы: властная, ценностная и функциональная. По своему характеру вьетнамская колониальная элита представляет

собой специфический феномен, формирование и развитие которого было детерминировано конкретно-историческими условиями периода колониальной зависимости. Отстраненная от рычагов политического управления страной, колониальная элита Вьетнама была представлена в основном ценностными и функциональными группами, а не властными. Все это накладывалось на крайнюю неоднородность состава колониальной элиты Вьетнама.

Анализ исторических и социально-экономических реалий Вьетнама первой половины XX в. позволяет выделить несколько моделей развития общественно-политической мысли колониальной элиты Вьетнама.

К первой модели можно отнести идеи традиционной консервативной элиты высших придворных кругов Вьетнама. Представители знатных родов, члены правящей династии придерживались в основном умеренно-консервативных взглядов и опирались на монархические принципы устройства вьетнамского общества. Они полагали, что с помощью реформ, инициированным «просвещенной Францией», Вьетнам сможет достичь независимости. С течением времени под влиянием исторических событий XX в. их взгляды эволюционировали, однако приверженность традиционным устоям сохранялась, а деятельность по-прежнему ограничивалась узким кругом образованных лиц и не распространялась на широкие круги вьетнамского общества.

В основе второй модели развития политических взглядов вьетнамской элиты лежала идея опоры на «третью силу» в борьбе за независимость. В начале XX в. они связывали свои надежды с Японией, после Синхайской революции 1911 г. – с Китаем, затем с Таиландом, а в период Первой мировой войны – с Германией. Однако, несмотря на наличие определенной эволюции взглядов патриотически настроенной элиты, эти изменения не носили концептуальный характер, сводились просто к смене внешнеполитических ориентиров: сохранялось непонимание необходимости структурных социальных преобразований, «модернизации» мировоззренческих ориентиров общества, а также повышения уровня культурного и социально-экономического развития.

Третью модель составляют взгляды конфуциански образованных ученых и общественных деятелей, которые под воздействием новых социально-экономических условий, вызванных к жизни французским присутствием, стали переосмысливать значение и роль конфуцианских стереотипов мировосприятия. Высоко оценивая достижения Запада и восхищаясь демократическими свободами метрополии, они открыто критиковали монархический строй Вьетнама. Между тем, в реальности они столкнулись с неготовностью вьетнамского социума к восприятию прогрессивных достижений западной демократии, косностью и архаичностью вековых порядков и обычаев колониального общества. В идеологическом плане они стали считать наилучшим возвращение к положениям «чистого» учения Конфуция, которое, по их мнению, было единственной идеологией, способной обеспечить гармоничное развитие вьетнамского общества.

Особую группу составили представители экономической элиты Вьетнама, которые имели возможность обучаться в высших учебных заведениях Франции. Будучи наиболее «модернизированным слоем» вьетнамского общества, крупные землевладельцы Вьетнама под влиянием республиканских идей метрополии стремились получить от Франции больше привилегий для своей деятельности. Активно действуя на политической арене колонии и метрополии, создав влиятельную Конституционную партию, выражавшую интересы имущих слоев, эта часть вьетнамской элиты, получив частичное удовлетворение своих экономических требований, впоследствии отошла от политической борьбы.

К четвертой модели можно отнести взгляды «молодой интеллигенции» Вьетнама, которая первоначально ориентировалась на идеалы национально-освободительной

борьбы в Индии и концепции Махатмы Ганди, а впоследствии испытала разочарование и пришла к выводу о необходимости активных действий. К 1930-м гг. происходит сильное «полевение» взглядов представителей этой группы вьетнамской элиты, вплоть до увлечения марксизмом. Радикализация идей сыграла большую роль в ослаблении и даже разрушении основ колониального режима Франции во Вьетнаме, особенно южной его части, а истоки этого процесса следует искать в деятельности левых сил в самой метрополии и во влиянии на них левых течений и партий Франции.

Анализ исторических и социально-экономических реалий Вьетнама первой половины XX в. показывает нежелание колониальных властей допускать представителей вьетнамской элиты к политическому управлению страной. В этих условиях вьетнамская элита не могла надеяться на реальную политическую власть. В результате такой политики интеллектуальный авангард вьетнамского общества, к тому времени уже обладающий достаточно высоким уровнем образования и хорошо усвоивший ценности современного западного мира, а главное – глубоко интегрированный в новые реалии колониального социума, не имел возможности сформироваться как самостоятельная, обособленная от этой системы общность и выработать свою, отличную от традиционной, систему ценностей, которая могла бы оказывать реальное влияние на остальные слои вьетнамского общества. Следствием такого положения стало то, что наиболее социально и политически «зрелые» слои вьетнамского общества, интеллектуальная элита, оказались неспособными к эффективным политическим действиям.

Литература

1. *Souverains et notabilités d'Indochine*. Hanoi, 1943.
2. *Marr D.G. Vietnamese Tradition on Trail 1920-1945*. California, 1981.
3. *Nguễn Văn Ký. La Société Vietnamienne Face à la Modernité. Le Tonkin de la Fin du XIXe Siècle à la Seconde Guerre Mondial*. P., 1995.

Контакты и взаимодействие между иудейскими общинами Сиро-Палестинского региона и великими державами в кон. XVIII – сер. XIX в. (анализ исторических источников)

Солодухина Татьяна Григорьевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

С конца XVIII века Сиро-Палестинский регион подвергается постоянному влиянию иностранных держав: Англии, Франции, России, Австрии, Пруссии и Соединенных Штатов. Их политика в регионе в значительной степени была ориентирована на взаимодействие с теми или иными местными силами с целью усиления своих позиций. В частности и иудейские общины региона оказались объектом политики великих держав. Поэтому основные источники о евреях Сирии и Палестины кон. XVIII – сер. XIX в. – документы/материалы, отражающие проблемы контактов и взаимодействия тех или иных представителей этих держав с иудейскими общинами.

Данные источники можно классифицировать по месту возникновения и по жанрам. Выделяются два блока: внутренние источники, возникшие в еврейской среде, и внешние источники – нееврейские. Еврейские источники включают как местные, так и появившиеся в среде европейских евреев. Жанровое разнообразие материалов, посвященных евреям, достаточно велико.

Среди местных еврейских источников мы имеем документы общин Иерусалима, Яффо, Хеврона, Акко, Цфата и Тверии, письма палестинских и ливанских общин *хахам-*

баши (верховному раввину) Османской империи. Значительная часть палестинских документов составлена на иврите, имеются также документы на идиш и ладино.

Существует ряд сочинений европейских евреев, посетивших Святую Землю в кон. XVIII – сер. XIX в., в которых содержится как общая информация о еврейских общинах, так и непосредственно имеющая отношение к проблеме иностранного проникновения. Например, из воспоминаний Иегошуа Ялина – сына известного еврейского деятеля из Польши Давида Ялина – можно узнать о поселении его отца на Святой Земле, о евреях Иерусалима, а также об отношениях евреев Святой Земли с австрийскими властями в конце 30-х годов XIX в. Невозможно не упомянуть англоязычное сочинение еврейского филантропа Моше Монтефиоре – «Дневники сэра Моше и Леди Монтефиоре», в котором раскрываются различные аспекты политической и общественной деятельности автора в Палестине.

Нееврейские источники имеет смысл разделить на несколько основных пластов:

1) консульские донесения и другие документы о политике великих держав в отношении евреев, хранящиеся в АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи) и еще не введенные в научный оборот (на русском, французском, итальянском, арабском и греческом языках);

2) материалы европейских консульских донесений;

3) микрофильмы документов государственных архивов Германии, Великобритании, Польши, России и Украины, касающиеся евреев Палестины в кон. XVIII – сер. XIX в., которые находятся в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме;

4) документы Лондонского общества по распространению христианства среди евреев; документы, отражающие американскую миссионерскую деятельность среди евреев;

5) материалы европейской и российской прессы того периода, освещающие события, связанные с евреями Сиро-Палестинского региона;

6) местные источники на арабском языке, например «История Сирии и Ливана» Михаила ад-Димашки, в которой содержится информация о евреях Сирии, в особенности о семье Фархи;

7) записки европейских и русских путешественников и паломников, посетивших Святую Землю.

Для того чтобы получить максимально полное и объективное представление о еврейских общинах в сирийских провинциях Османской империи кон. XVIII – сер. XIX в. как объекте политики великих держав, следует использовать все вышеперечисленные источники. Но при этом должна учитываться степень объективности каждого отдельно взятого документа/материала. При исследовании данной проблемы интересна как реакция еврейских общин на европейскую политику, так и видение этой политики самими европейцами. С большой осторожностью следует относиться к документам, возникшим в среде заинтересованных сторон, поскольку в них может содержаться искажение фактов и оценок событий. Критическому анализу необходимо подвергать записки путешественников и паломников, поскольку зачастую они были недостаточно осведомлены как о статистических данных, так и о политической ситуации.

Затронутая в источниках тема так или иначе находит отражение в зарубежной историографии. В отечественной историографии работы, посвященные евреям в Сирии и Палестине кон. XVIII – сер. XIX в. в вышеуказанном ракурсе, отсутствуют. Также до сих пор практически не привлекались материалы АВПРИ для освещения данной проблематики. Возможно, впоследствии именно из материалов этого российского архива суждено почерпнуть ценную информацию как об интересах России, так об интересах великих держав в отношении евреев Сирии и Палестины того времени.

**О создании частной колонии в пол-ЕС
(колониальная политика Бельгии во второй половине XIX в.)**

Тавшунский Олег Михайлович

аспирант

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В 2010 г. исполнится 50 лет с момента развала колониальной системы в Африке, так называемого «года Африки». Однако взаимоотношения бывших колоний и метрополий остаются напряженными. Одной из наиболее атипичных колониальных империй являлась Бельгийская империя. Отметим, что в отечественной историографии вопросы, связанные с изучением истории создания и развития указанной империи, до сих пор не получили должного освещения. О периоде до Первой мировой войны имеется лишь несколько работ, затрагивающих данную проблему в контексте истории Африки в целом [Дармштедтер 1925; Зусманович 1962; Субботин 1982], в то время как за рубежом данная тематика постоянно находится в центре внимания [Hochschild 1998; Ewans 2002; Gondola 2002]. В докладе автор, опираясь на труды иностранных исследователей, доступные архивные материалы и прессу, попытался проследить историю создания прообраза Бельгийской империи – Независимого государства Конго.

К последней трети XIX в. в Африке оставалась малоизвестная европейцам территория от южной границы пустыни Сахара до Южного тропика, включая долину р. Конго. Территория по экватору и Южному тропику была труднопроходимой из-за климатогеографических условий. Первым европейцем, добравшимся до долины р. Конго, стал шотландец Д. Ливингстон, исследовавший бассейн р. Замбези. Так вышло, что будучи тяжело больным, Ливингстон передал свои дневники и знания Г.М. Стэнли, а вскоре умер. В 1874-1877 гг. Стэнли совершил трансконтинентальное путешествие через бассейн р. Луалаба, оказавшейся р. Конго. Ему удалось выйти к Атлантическому океану 8 августа 1877 г., через 999 дней после того, как он оставил Занзибар [Roland 1914, p. 5].

В то же время король Бельгии Леопольд II осознал, что нанесение на карту бассейна р. Конго привлечет сюда толпы старателей, и честолюбивые планы короля будут обречены на провал. До этого колониальные кампании Бельгии в Новом Свете и на Востоке провалились [Schwemmer, 1966]. С 1876 г. Леопольд II начал широкую «меценатскую» кампанию по пропаганде цивилизации среди народов региона. В 1878 г., после встречи со Стэнли, для этих целей он основал Комитет по изучению Верхнего Конго [Субботин 1982, с. 73]. А Стэнли, используя формальные договора с вождями племен относительно либо приобретения земли, либо принятия протектората, создавал Леопольду II личную колонию [Wack 1905, p. 489-490].

В ноябре 1884 – феврале 1885 гг., через 7 лет после открытия Центральной Африки, состоялась Берлинская конференция, призванная разделить эту часть материка на зоны влияния европейских государств. 2,3 млн. км² бассейна р. Конго, Леопольд II потребовал признать его личной собственностью, апеллируя к договорам. Бисмарк покровительствовал Леопольду II, на сторону короля стали и США. По решению конференции на указанной территории учреждалось Независимое государство Конго под управлением Леопольда II [10] – подобного прецедента история еще не знала.

Литература

1. Дармштедтер П. История раздела Африки. 1870-1919 гг. М.-Л., 1925.
2. Зусманович А.З. Империалистический раздел бассейна Конго (1876-1894). М., 1962.
3. Субботин В.А. История Заира в новое и новейшее время. М., 1982.
4. Ewans M. European Atrocity, African Catastrophe: Leopold II, the Congo Free State and its aftermath. London, 2002.
5. Gondola D.C. The History of Congo. Westport Connecticut, 2002.

6. Hochschild A. King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror and Heroism in Colonial Africa. Boston, 1998.
7. Roland J. et Duchesne E. Cours Complet de Geographie. Le Congo Belge Namurr, 1914.
8. Schwemmer O.W. The Belgian Colonization Company, 1840-1858: Ph.D. dissertation. Tulane University, 1966.
9. Wack H.W. The Story of the Congo Free State. New York, 1905.
10. Convention revising the General Act of Berlin of 26 February 1885 // www.austlii.edu.au (Resource of Australian and international legal materials)

**Военнопленные турки в Калужской губернии:
от Крымской до Первой мировой войны (по материалам ГАКО)**

Тихонов Артем Владимирович

студент

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Сравнительно новыми для отечественной историографии являются исследования пребывания иностранных военнопленных в России в XIX-XX веках. Причем в случае с военнопленными ситуация обостряется тем, что чужой является не просто путешественником или живущим в России иностранцем, в определенной степени интегрированным в социальную структуру, но врагом, пусть и плененным.

Пожалуй, из всех военнопленных, захваченных Россией в ходе многочисленных войн XIX-XX вв., турки более всего отличались от подавляющей части населения Европейской России по своим культурным и религиозным традициям, были, так сказать, наиболее чужими.

Начиная со второй половины XIX века начинается выработка законодательства, определяющего правовое положение военнопленного. В 1874 г. Александр II выступил с инициативой созвать специальную конференцию по развитию законов и обычаев войны. Именно Россия предложила на рассмотрение конференции проект конвенции о законах и обычаях войны, подготовленный известным российским юристом Ф.Ф.Мартенсом. В данном проекте регламентировались права и обязанности военнопленных. Однако они были закреплены лишь на второй Гаагской конференции 1907 г.

В настоящее время историки только начинают обращаться к теме турецких военнопленных. Так, В.В. Белявский в статье «Военнопленные египтяне в России 1877-1880 гг.», опубликованной в «Военно-историческом журнале», на основе документов РГВИА исследовал судьбу военнопленных египтян, служивших в турецкой армии после войны 1877-1878 гг. Можно обратиться к статье Б.П. Миловидова «Турецкие военнопленные в России в 1812 г.», опубликованной в «Вопросах истории», где автор повествует о военнопленных турках после русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Обращает на себя внимание статья Т.А.Свиридовой в Калужской энциклопедии. В данной статье перед нами предстает судьба основателя коммунистической партии Турции Мустафы Субхи, который был интернирован в Калуге и приписан к военнопленным. Проблемой турецких военнопленных в Калужской губернии затрагивали И.Б. Белова и В.А. Бессонов, однако главным предметом их научного интереса были французские и немецкие пленные. Таким образом, данная тема до настоящего времени в целом остается не исследованной.

Методы.

Основу представленного исследования составил анализ материалов Государственного архива Калужской области. Благодаря упомянутым выше исследованиям по проблеме турецких военнопленных, основывающихся как на архивных источниках ГАКО, так и на материалах других регионов, удалось провести

сопоставление данных, которое позволило подтвердить некоторые выводы и предположения, сделанные ранее: о географии местопребывания военнопленных турок, об их перевозке и доставки в места содержания, о национальной принадлежности, о надзоре за военнопленными, медицинском содержании бывших воинов, об их повседневной жизни и работе на различных промышленных предприятиях и частном предпринимательстве. Основная часть источников положенных в основу данного исследования относиться к фонду № 32 «Канцелярии калужского губернатора», фонду №62 «Калужского губернского правление», фонду № 783 «Калужского полицмейстера» ГАКО.

Результаты.

Первые военнопленные турки в Калужской губернии появляются во время Крымской войны, а именно в 1856 году после капитуляции 16 ноября 1855 г. крепости Карс. Калужская губерния в феврале 1856 г. была назначена для размещения пленных офицеров турецкого гарнизона. 5 и 16 февраля 1856 г. МВД сообщило калужскому губернатору о решении разместить турецких офицеров Карского гарнизона в городах Калужской губернии по 10 — 15 человек. Однако здесь военнопленные пробыли недолго. После заключения мира с Турцией 6 апреля 1856 года они были освобождены и отправлены в Одессу, откуда вернулись на родину.

Гораздо более полные сведения в архивах относятся ко времени русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Первые военнопленные прибыли в Калугу в августе 1877 года и находились в губернском центре и губернии (военнопленные содержались еще в 6 уездах) до декабря 1878 года, то есть до заключения мира на Берлинском конгрессе, однако процесс репатриации затянулся. За их содержанием тщательно следило МВД, губернские власти предоставляли приемлемые условия для жилья и медицинское обслуживание. Военнопленные турки находились на содержании государства, однако для возмещения средств на их содержание последних привлекали к различным видам работам, чаще как батраков. Некоторые турки принимали новое подданство и переходили в православие. Чаще всего это было связано с женитьбой на калужанках и рождением детей. Например, как Александр Нури. Некоторые из принявших российское подданство осмеливались обращаться к властям за материальной помощью или с просьбой о повышении социального статуса (среди военнопленных встречались дворяне, а их, как правило, приписывали к мещанскому сословию). Однако чаще всего их ждал отказ.

Во время Первой мировой войны в Калуге и Калужской губернии содержалось 2723 военнопленных и интернированных. Большинство военнопленных содержались за счет государства, кроме тех, кто мог содержать себя сам, либо получал деньги от родственников. После 1915 года государство перестало выплачивать пособия, а военнопленных стали отправлять на работу на промышленные предприятия. Некоторые турки открывали свое дело, например кофейни, или работали по специальности, например, учили детей борьбе. За военнопленными также строго следило МВД, а за их здоровьем санитарные службы. Мы не находим случаев ксенофобии. Однако случаи воровства и даже убийства в среде самих военнопленных имели место. Бывшие турецкие воины содержались в Калужской губернии до 1915 года, после чего были отправлены в Уральск.

Региональные архивы содержат значительный «пласт» документов, посвященных военнопленным туркам в описываемый период, многие из которых ещё не введены в научный оборот. Выбранное направление исследования имеет значительные возможности для дальнейшего расширения, как за счет привлечения новых источников, так и за счет более глубокого анализа имеющихся.

Литература

1. Белявский В.В. (2007) Военнопленные египтяне в России. 1877-1880 гг. // Военно-исторический журнал, апрель, с.34-37
2. Бессонов В.А. (2005) Численность и состав военнопленных Крымской войны 1853 — 1856 гг. в Калужской губернии // Вопросы археологии истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI всероссийской научной конференции 5-7 апреля 2005 года. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», с.151
3. Вусович Ю. (1929) Медико-топографическое описание города Калуги. Калуга: Издание окрздравотдела.
4. Миловидов Б.П. (2008) Турецкие военнопленные в России в 1812 г. // Вопросы истории. №10, с. 91-100.
5. ГАКО ф. 783 оп. 1 д. 1185, д. 1089, д. 1184; ф. 32 оп. 7 д. 522; оп. 4, 1510; ф. 62, оп. 3, д. 4120; оп. 22, д. 837.
6. Положение о законах и обычаях сухопутной войны Отдел I. О воюющих. Ст. 4 // Веремеев Ю. Анатомия армии.- режима доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml>.

Правовое оформление и политическое воплощение идеи пакистанской идентичности

Филимонова Алина Леоновна
аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В данной работе выявляются особенности конституционного и политического развития государства Пакистан. Анализ процессов, происходивших в стране в этот период, позволит не только выявить характерные черты пакистанской политической системы, но и сформулировать общие законы, согласно которым осуществляется функционирование государственных институтов и воплощается идея пакистанской идентичности.

Следует отметить, что в момент обретения независимости в Пакистане установилось гражданское правление, которое первоначально основывалось на Законе об управлении Индией 1935 г. и во многом отражало английское представление о государственности. Главой страны провозглашался генерал-губернатор, назначаемый британским монархом по совету пакистанского премьер-министра, который, в свою очередь, должен был быть представителем правящей партии. Именно премьер-министр, таким образом, становился фактическим руководителем государства, принимающим решения. То, что данная система власти не соответствует реалиям пакистанского общества, стало очевидно почти сразу же: идейный лидер движения за Пакистан и отец-основатель государства Мухаммад Али Джинна, решивший стать генерал-губернатором, сам подобрал кандидата на пост премьер-министра и дал понять, что не собирается уходить на второй план и повиноваться чьим-то приказам [1]. Таким образом, хотя гражданский характер власти изначально никем не оспаривался, однако ее структура уже на данном этапе была поставлена под сомнение и в дальнейшем не раз пересматривалась. Распределение полномочий между генерал-губернатором и премьер-министром (а в последующем – между президентом и премьер-министром)¹ становилось камнем преткновения для всех правивших в Пакистане режимов и провоцировало отношения постоянной конфликтности внутри гражданской администрации.

¹ Согласно конституции 1956 г. должность генерал-губернатора была упразднена и его место занял президент.

Важно подчеркнуть, что отношения соперничества двух главных государственных чиновников и стремление каждого из них утвердить в конечном итоге собственное политическое единоначалие провоцировали как президента, так и премьера – в зависимости от того, кто на тот момент обладал большим влиянием – вносить изменения в основной закон страны. Таким образом, в Пакистане было принято три конституции: конституция 1956 г. провозглашала фактическим главой государства президента; конституция 1962 г. делала его власть единоличной и ликвидировала пост премьера; согласно конституции 1973 г., наоборот, все ключевые решения принимал премьер-министр, а должность президента становилась формальной. В последующем новых конституций больше не принималось, однако к основному закону 1973 г. неоднократно принимались поправки, нередко противоречащие друг другу, которые вновь изменяли политический расклад сил, превращая Пакистан то в президентскую, то в парламентскую республику.¹ Можно проследить, как на протяжении истории сфера полномочий президента колебалась от полного всевластия и фактической военной диктатуры до «простой декорации» [3]. Премьер-министр в ряде случаев превращался в несмещаемого главу государства; на определенных же этапах эта должность вовсе устранялась.

Нежелание основных представителей гражданских властей сотрудничать между собой, их стремление установить единоличное правление и готовность ради собственной выгоды изменять конституцию подрывали демократические основы пакистанской государственности. Ряд исследователей отмечает, что именно ослабленность гражданских институтов неоднократно провоцировала кризис власти в Пакистане и способствовала установлению военных режимов [2].

Военное положение устанавливалось в стране четыре раза². Однако необходимо подчеркнуть, что во всех этих случаях армия брала власть в свои руки тогда, когда гражданские власти загоняли сами себя в правовой тупик, то есть глава государства принимал на себя широчайший спектр полномочий и отстранить его законным путем становилось невозможно.³ Таким образом, военное командование оказывалось у власти уже после того, как демократическое правление было свернуто и заменено диктатурой. Первостепенной задачей военных администраторов, безусловно, была не демократизация политической жизни страны, а скорее ее стабилизация и устранение кризисных явлений в экономике, спровоцированных действиями предшествующего главы государства. Тем не менее, важно отметить, что две из трех конституции, когда-либо функционировавших в Пакистане, были приняты именно военными администраторами. Каждый военный режим рано или поздно подчинялся демократическим тенденциям, существовавшим в обществе, и начинал предпринимать шаги для восстановления в стране гражданских институтов. В результате ситуация повторялась: к власти вновь приходили гражданские администрации, внутри которых начиналось соперничество президента и премьер-министра, приводившее, в свою очередь, к конституционному и экономическому кризису и установлению очередной военной диктатуры. При этом многие армейские чины подчеркивали, что их «вынуждают» втягиваться в политику как представители простого населения, так и сами политические деятели, которые стремятся приписать командующим армией роль арбитров в государственных делах [3]. В значительной мере такое давление объяснялось

---

¹ Имеются в виду, в частности, восьмая, тринадцатая и семнадцатая поправки.

² Военные режимы в Пакистане существовали в периоды 1958-1962, 1969-1972, 1977-1985, 1999-2002. Главами государства во всех этих случаях становились действующие командующие пакистанской армией.

³ Наиболее показательным примером может служить президент Искандер Мирза, отменивший в 1958 г. конституцию и спустя 20 дней свергнутый генералом Айюб Ханом.

тем, что сфера полномочий командующего армией в законах прописана недостаточно хорошо. В результате в обществе не сложилось четкого понимания того, чем именно он должен заниматься, и ожидания от армии оказываются преувеличены.

В свою очередь, институт Верховного суда, призванный контролировать развивающиеся в стране правовые процессы и обладающий широчайшими полномочиями, зачастую попадал под влияние политической конъюнктуры и утрачивал объективность, вставая на позиции либо президента, либо премьер-министра.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Пакистане дискредитация основного закона страны осуществлялась именно представителями гражданской администрации, которые оказывались не готовы координировать свои действия друг с другом и стремились преодолеть заложенный в конституции дуализм власти с целью фактического установления собственной диктатуры. Эта правовая нестабильность в сочетании с повышенными ожиданиями от армейского руководства и оказывает решающее воздействие на формирование политической идентичности пакистанского общества.

Литература

1. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. (2008) История Пакистана XX век. М.: ИВ РАН Крафт+.
2. Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. (1975) Три конституции Пакистана. М.: Наука.
3. Musharraf, P. (2006) In the line of fire. London: Simon & Schuster UK Ltd.

Концепция арабского национализма в идеологии Мишеля Афлака

Филиппов Александр Анатольевич

аспирант

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

В основу настоящей работы положен раздел «Об арабском национализме» [1, с.133-197] из пятитомного собрания сочинений М. Афлака «На пути возрождения». Этот раздел, как и весь труд, был сформирован из различных статей и выступлений идеолога Баас. В ходе анализа указанного текстового массива были выделены следующие базовые категории, которыми оперирует М. Афлак при изложении своего взгляда на арабский национализм: *umma(t)*, *jumhūr*, *sha‘b*, *qawm*. Кроме того, представляется целесообразным проанализировать слово *milla(t)*. Тот факт, что М. Афлак ни разу не употребил это очень распространенное слово, показывает, что оно не должно остаться без внимания исследователя. Чтобы проанализировать значения указанных слов, мы использовали три наиболее авторитетных толковых словаря арабского языка: *Mufradāt al-Qurān al-Karīm* («Лексика Благородного Корана»), *Lisān al-‘arab* («Язык арабов») и *al-Qāmūs al-Muhīṭ* [2].

Понятие *umma(t)* обозначает наибольшую совокупность людей, в основу которой могут быть положены различные критерии, понятие *qawm* – группу людей, объединенную кровными и клиентскими узами. *Sha‘b* определяется как совокупность, способная к объединению и разъединению, а *milla(t)* описывается через понятия «религиозный закон» и «религия» [2].

Проанализировав значения указанных концептов в наиболее авторитетных толковых словарях арабского языка, следует рассмотреть возможные дополнительные значения, которые они могли приобрести в ходе влияния на них истории арабов.

Слово *sha‘b* послужило основой для обозначения особого движения, зародившегося в Арабском Халифате в IX веке – «шуубийи». Прежде всего, оно было связано с возрастающим участием иранцев в административной и культурной жизни Халифата. Этот процесс стал результатом той политической борьбы, которую вела

аристократия исламизированных народов за равные права с арабами. Это движение проходило под лозунгом равноправия всех мусульман независимо от их происхождения и ускорило процесс распада Арабского Халифата, фактически поставив религиозное единство выше политического.

Повторение таких процессов было категорически неприемлемо для М. Афлака. В его сочинениях слово *sha'ab* фактически стало синонимом к слову *jumhūr*. Зачастую эти два слова образуют единую конструкцию – «массы народа». Однако в идеологии основателя Баас *sha'ab* в отношении арабов выступает как нечто подчиненное по отношению к единице более высокого порядка, объединенной понятиями *умма* и *уруба* [1, с.170, 190, 194 и др.].

Слово *milla(t)* употребляется исключительно для обозначения религиозных общин. Во времена Османской империи *milla(t)* выступала как субъект права, фактически раздробляя общество на множество мелких единиц. Особую опасность такая практика представляла для Сирии, население которой даже в период французского мандата представляло собой конгломерат различных фактически самостоятельных этно-конфессиональных групп, причем, как отмечали французские власти, каждая из них образовывала некое подобие народа.

Таким образом, сохранение такой системы, в основе которой лежало разделение общества на *milla(t)*, означало не только невозможность общеарабского единства, к которому призывали практически все арабские националисты, в том числе и М. Афлак, но сохранение раздробленности Сирии и Ливана. Нет ничего удивительного в том, что в своем разделе «Об арабском национализме» идеолог Баас ни разу не употребил слово *milla(t)*, не найдя ему место в своей концепции арабского национализма.

Основным понятием в идеологии арабского национализма М. Афлака выступает *umma(t)*. В истории ислама понятие *умма* употреблялось по отношению ко всей общине верующих, независимо от их происхождения, то есть имело исключительно религиозный характер, будучи единицей высшего порядка по отношению к человеческим сообществам. Однако арабские националисты понимали это слово по-другому. Как мы видели, семантически слово *umma(t)* обозначает лишь наибольшую совокупность людей, в основу которой могут быть положены различные критерии. В идеологии арабского национализма понятие *umma(t)* практически слилось с понятием *qawm*. В Конституциях арабских стран оно употребляется только в таком значении и нигде в традиционном значении *мусульманская община*.

М. Афлак не вышел за рамки понимания *umma(t)* другими арабскими националистами. Центральным понятием, отличающим арабскую умму от всех остальных, идеолог Баас считал *'urūba(t)* – *уруба, арабизм*. Использование этого понятия преследовало две основные цели: а) отделить арабов от остальных исламских народов; б) найти дополнительный признак, объединяющий различные этно-конфессиональные группы в рамках арабской нации. Афлак рассматривал *umma(t)* как объединение, основанное на кровнородственных и клиентских связях, которые были сформированы в эпоху халифата Омейядов (661-750).

Соответственно, в состав арабской нации входят и народы, исторически связанные с арабскими племенами различными, прежде всего клиентскими, отношениями. Основатель Баас прямо причислил к арабской нации курдов, ассирийцев, армян и берберов, решив, таким образом, проблему интеграции этнических меньшинств.

Религиозные меньшинства были интегрированы с помощью фактического отождествления ислама как религии с урубой, понимаемой как совокупность особых качеств, присущих только арабам, независимо от их вероисповедания [1, с.159].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Разрабатывая свою концепцию арабского национализма, М. Афлак стремился интегрировать различные этно-конфессиональные группы Сирии в одно целое и в

условиях достижения страной независимости помочь христианам сохранить то привилегированное положение, которым они пользовались во время французского мандата. Конечной целью идеологии провозглашалось объединение всего арабского мира.

Этнические меньшинства были интегрированы через апелляцию к кровнородственным и клиентским связям, которые были сформированы в эпоху халифата Омейядов (661-750) и пересмотрены при Аббасидах (751-1258). Именно поэтому некоторые арабские националисты прямо заявляли, что Аббасидский халифат утратил свои арабские корни. Переосмыслив понятие *umma(t)* и фактически приравняв его к понятию *qawm*, М. Афлак смог включить в состав арабской нации даже несемитские народы – курдов, берберов, армян.

Религиозные меньшинства были интегрированы с помощью фактического отождествления ислама как религии с урубой как совокупностью особых качеств, присущих только арабам, независимо от их вероисповедания.

Концепция арабского национализма в идеологии М. Афлака характеризуется предельной обобщенностью и описывается через такие понятия как единство, свобода и арабский социализм. Ни одно из них автором определено не было. Такой подход позволял основателю Баас лавировать между интересами различных групп, не вступая в противоречие ни с одной из них.

Литература

1. <http://albaath.online.fr/> ('Aflaq M. Fī sabīl al-ba'th. Al-juz' al-awwal).
2. Jāmi' ma'ājim al-lugha(t) al-'arabiyya(t) – Baghdād: al-'Arīsh al-Kambyūtir – 1 CD-ROM.

Камбоджийский кризис и политика Индонезии в рамках АСЕАН

Церерин Алексей Николаевич

аспирант

Московский государственный институт международных отношений (У) МИД РФ

На рубеже 70-80-х гг. основную консолидирующую роль для стран АСЕАН сыграл внешний фактор – кризисная ситуация в регионе, сконцентрированная вокруг камбоджийской проблемы, которая приобрела характер долгосрочного конфликта.

Все это ставило перед Индонезией, и АСЕАН в целом, непростую задачу поиска по возможности наиболее быстрого решения проблемы при одновременном выполнении задач поддержания хрупкого баланса интересов в самой Ассоциации, сохранение контактов с СРВ, сдерживания влияния крупных внерегиональных держав.

В течение целого десятилетия камбоджийская проблема преобладала в повестке политического сотрудничества АСЕАН. Однако у Ассоциации не было реальных возможностей заставить Вьетнам вывести свои войска из Камбоджи. В этом проявилась ограниченность АСЕАН, поскольку она не являлась военным блоком, который имеет возможность подкреплять свои слова применением силы или наложением экономических санкций на страну-правонарушителя. Сила АСЕАН заключалась в ее способности мобилизовать международную поддержку своей политике, ее способности действовать методом убеждения и уговоров.

Следует отметить, что нельзя недооценивать деятельность индонезийских дипломатов, которые прилагали все свои силы к скорейшему урегулированию конфликта. С самого начала вьетнамской оккупации Камбоджи Индонезия оказалась в деликатной ситуации, так как до этого выступала за развитие сотрудничества АСЕАН с государствами Индокитая, и Вьетнамом, в частности. Помимо всего прочего, с возникновением проблемы резко обозначились существующие между странами АСЕАН (в основном между Индонезией и Таиландом) противоречия в понимании внешней

угрозы. Поэтому индонезийская политика по камбоджийскому вопросу носила двойственный характер. С одной стороны, индонезийское правительство жизненно важным считало сохранение асеановского единства и поэтому официально поддержало общеасеановскую позицию по Камбодже. Тем не менее, индонезийские представители в АСЕАН постоянно пытались смягчить жесткую позицию, занятую некоторыми странами Ассоциации по отношению к Вьетнаму. С другой стороны, военные лидеры режима «нового порядка» пытались улучшить двусторонние отношения с Вьетнамом в надежде на то, что последний будет более восприимчив к индонезийским попыткам урегулирования камбоджийского конфликта. Учитывая тот факт, что существовавшие в рамках АСЕАН правила поведения диктовали необходимость достижения консенсуса, который, как правило, благоприятствовал Таиланду, выступавшему в роли «прифронтового государства», не удивительно, что индонезийская дипломатия часто терпела неудачи, а официальная позиция АСЕАН следовала в фарватере тайской линии, что сближала ее с позицией КНР.

Между тем камбоджийскую проблему удалось разрешить и страны АСЕАН снова встали на путь сотрудничества с государствами Индокитая, которые все без исключения в скором времени стали членами этой региональной организации: Вьетнам в 1995 г., Лаос и Мьянма в 1997 г., а Камбоджа из-за сложного внутривнутриполитического положения только в 1999 г.

Литература

1. ASEAN Document Series 1967-1988. – ASEAN Secretariat. – Jakarta, 1988.
2. ASEAN Document Series 1988-1989. – ASEAN Secretariat. – Jakarta, 1989.
3. Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития/ Н.П. Малетин. – М.: МГИМО, 2007.
4. Малетин Н.П. АСЕАН в системе международных отношений/ Н.П. Малетин. – М.: Восточная литература, 1980.

Проблема оттоманского долга на Лозаннской мирной конференции (1922-1923 гг.)

Черниченкина Наталья Игоревна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Созванная по инициативе Великобритании, Франции и Италии для подготовки мирного договора с Турцией Лозаннская конференция должна была разрешить многие внешнеполитические задачи, в том числе и финансовые претензии сторон.

Среди финансовых вопросов, обсуждавшихся на Лозаннской мирной конференции, наиболее полемичной оказалась проблема оттоманского долга, так как она затрагивала противоречивые интересы Европы, Балканских стран и Турции.

Известно, что основные положения статей Лозаннского мирного договора, касавшихся выплаты оттоманского долга, сводились к следующему: разделение долга между Турцией и странами, отделившимися от Османской империи; создание специальной международной комиссии с целью контроля над распределением долга; отмена капитуляций; исключение из Административного совета оттоманского долга представителей германских, австрийских и венгерских держателей займов. Подготовка статей договора, посвященных оттоманскому долгу, потребовала много времени и больших усилий, прежде всего, из-за неуступчивости крупнейшего кредитора Османской империи - Франции, заинтересованной в сохранении финансового контроля над Турцией. Поэтому обсуждение проблемы оттоманского долга на заседании финансово-экономической комиссии часто принимало острый характер и не двигалось с места.

Тщательное изучение не вводившихся ранее в научный оборот российского востоковедения протоколов заседаний финансовой комиссии Лозаннской конференции выявило целый ряд дополнительных деталей, связанных с проблемой выплаты оттоманского долга, а именно: специфику исчисления суммы долга, ставшей объектом погашения, предлагавшиеся альтернативные принципы распределения долга, трудности распределения займов, взятых на развитие железных дорог в Османской империи, а также исследование системы компромиссов, результатом которых стало согласование отдельных статей финансового договора.

Взаимные противоречия в экономических интересах, а также значительная разница в уровнях профессиональной финансовой и дипломатической подготовки противостоявших сторон привели к невозможности достижения договоренности по многим аспектам проблемы. Однако не только это послужило причиной срыва Лозаннской конференции на первом этапе. В докладе собраны биографические характеристики турецких делегатов на основе данных, изданных министерством финансов Турции, а также на основе сведений мемуаров помощника председателя турецкой делегации доктора Р. Нура.

Анализ этих сведений показал, что представители турецкой делегации, выступая против союзников на Лозаннской конференции, сами не придерживались единой позиции в отношении проблемы оттоманского долга. Имея совершенно разную профессиональную подготовку и предшествующий политический и экономический опыт, они были далеко не единодушны по вопросу оттоманского долга.

***

Глубокие противоречия в политических взглядах и действиях, как заинтересованных сторон, так и внутри турецкой делегации, сказались на темпах и результатах работы финансовой комиссии. Лозаннская конференция, начавшаяся для Турции с идеей справедливого пересмотра долгового «наследства» Османской империи, закончилась принятием нелегких для экономики страны финансовых обязательств.

Литература

1. Meray S.H. Lozan Konferansı: Tutanaklar ve Belgeler. İst., 2001
2. Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции 1918-1923. М, 1966
3. Yeniay I.H. Yeni Osmanlı Borçları Tarihi. İst., 1964
4. Yaşayan Lozan. Ed. Erhan Ç. Ank., 2003
5. Pakalın, Zeki M. Maliye Teşkilatı Tarihi. Ank., 1978
6. Nur R. Hayat ve Natiratım. İst., 1968

Мустафа Кемаль Ататюрк – военный атташе Турции в Болгарии (1913-1915 гг.)

Шестаков Николай Робертович

аспирант

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

В богатой событиями и разнообразной деятельности Мустафы Кемалья Ататюрка в качестве военного, политического и государственного деятеля Турции есть один хронологический отрезок, тесно связанный с Болгарией. Это - период с 28 октября 1913 г. до 2 февраля 1915 г., когда он в качестве офицера османской армии работал турецким военным атташе в Софии.

Во время пребывания в Болгарии, Мустафа Кемаль отправил более 100 докладов и донесений своему начальству в Стамбул. До настоящего времени эти документы были строго засекречены в турецких военных архивах. Только с выходом сборника *Мустафа Кемаль Ататюрк и турецко-болгарские отношения в документах (1913-1918 гг.)*,

изданного на турецком и болгарском языках, часть этих документов стала достоянием общественности.

В сборник вошло десять докладов. Два из них касаются общей обстановки на Балканах в 1913-1914 гг. Один документ посвящен открытию сессии Народного Собрания – парламента Болгарии. Остальные донесения Мустафы Кемалья касаются, в основном, предвоенной обстановки в стране и в регионе в целом, а также подходов балканских стран по отношению к войне.

Из анализа отправленных в Стамбул докладов, рапортов и телеграмм были сделаны выводы о том, что Мустафа Кемаль в целом правильно ориентировался в военно-политической обстановке не только в Болгарии, но и на Балканах в целом. Его деятельность на посту военного атташе была высоко оценена как младотурками, так и со стороны болгарского руководства. Немалая заслуга Мустафы Кемалья, как военного атташе в Софии состоит в том, что Болгария, вступила в войну на стороне блока Центральных государств.

Именно длительное пребывание в европейской стране, которой для Мустафы Кемалья была Болгария, послужило толчком к формированию его взглядов о необходимости проведения реформ. В сфере политики Ататюрк использовал анализ деятельности Народного Собрания Болгарии для введения основ многопартийной системы в Турецкой Республике. Опыт Кемалья в общении с турецким населением страны, которое достаточно быстро приняло блага и преобразования европейской цивилизации, позволил ему сделать вывод, что так же будет и в Турции, что население с легкостью примет реформы. Мустафа Кемаль уезжает из Болгарии полный идей и мыслей о преобразованиях и реформах. Это был его первый длительный опыт знакомства с европейской цивилизацией, и, несомненно, он оказал положительное влияние на формирование его взглядов о будущем своей страны.

Литература

1. Мустафа Кемал Ататюрк и турско-българските отношения в документи (1913-1918). София, 2002;
2. Еремеев Д. Становление республиканской Турции. 1918–1939. Москва, 2004
3. Новичев В.Д. История Турции. В 4-х тт. Ленинград, 1963–1978
4. Болгария в XX веке. Очерки политической истории. Москва, 2003;
5. Марков, Г. Голямата война и българският ключ за европейския погреб, 1914-1916, София, 1995
6. Живахов А. Ататюрк. Москва, 2008
7. Парушев П., Мустафа Кемал Ататюрк, София, 1974;
8. Стамболийски и Ататюрк за българо-турските взаимоотношения. София, 2001
9. Aydemir, Şevket Süreyya. Tek Adam: Mustafa Kemal'in Hayatı. 3 cilt. İstanbul, 1969
10. Kinross P. Atatürk: The Rebirth of a Nation. L., 2004.
11. Mango A. Atatürk. L., 2004.